

Къ вопросу объ оживленіи церковно-общественной дѣятельности.

(Окончаніе).

V. Въ передовой статьѣ Церковнаго Вѣстника, № 38 за 1903 г., подъ заглавіемъ „рѣчи о приходѣ“ читатели знакомятся съ мыслями о приходѣ, высказанными А. А. Папковымъ. Здѣсь между прочимъ говорится: „насъ учать съ дѣтства, что церковь есть самое возвышенное и владычественное понятіе у христіанъ, что церковныя дѣла и интересы, какъ вѣчныя, должны быть самыми главными и жизненными, между тѣмъ въ дѣйствительности мы меньше всего занимаемся ими, ограничиваясь одною явкою въ храмъ къ богослуженію и требоисправленіями“...

Мы знаемъ, что жизнь Церкви — жизнь человѣческихъ совѣстей, жизнь часто сокровенная и глубокая, она—то Царство Божіе, которое не приходитъ для всѣхъ замѣтнымъ образомъ, ибо оно — внутрь насъ, какъ праведность, миръ и радость въ Духъ Святомъ, внѣшніе плоды чего въ жизни: любовь, миръ, долготерпѣніе, кротость, воздержаніе и вообще все великое и доброе. Мы знаемъ, что эта глубокая объединенная жизнь совѣстей человѣческихъ поддерживается и живится общеніемъ съ Духомъ Божіемъ, общей молитвой во имя Христа, искупающей и обожающей Чашей Его и прочими св. таинствами и, конечно, единствомъ и братствомъ во всякомъ дѣлѣ. Мы знаемъ, что это единеніе съ Христомъ и Духомъ Его, это привитіе людей къ жизни Божіей есть основа и сущность Церковной жизни, что въ этой области—вѣчныя непреходящія цѣли и интересы человѣчества.

Поэтому въ вышеприведенной фразѣ Ц. В. церковное чувство прежде всего поражается противопоставленіемъ возвышенныхъ и вѣчныхъ церковныхъ дѣлъ и интересовъ — Литургіи и Таинствамъ, что называется въ фразѣ: „явкою къ богослуженіямъ и требоисправленіямъ“. Явка къ богослуженію и требоисправленію у насъ есть, говоритъ фраза, а нѣтъ главнаго, живого, возвышеннаго и вѣчнаго. Намъ показалось, нѣтъ ли разгадки этой фразы въ словѣ „явка“; намъ думалось, не направить ли далѣе авторъ мысль къ тому, чтобы Богослуженія и Таинства церкви не были только „явкою“, а были полны подлинной жизни, чтобы всѣ сознательно и глубоко относились къ нимъ именно какъ къ „вѣчной жизни“, а не какъ къ отбытію узаконенной повинности (хотя мы и увѣрены, что большинство являющихся къ Богослуженію вѣрующіхъ переживаетъ въ храмѣ лучшія и плодотворнѣйшія минуты духовной жизни и что „явкою“, кромѣ дѣйствительныхъ случаевъ явки по наказу и принужденію, это можетъ казаться только для внѣшней наблюдательности). Однако ни - чуть не бывало: авторъ далѣе объ этомъ не обмолвился ни полусловомъ. Духовная жизнь Церкви, Богослуженія, Таинства и часто сокровенное христіанское добро на всѣхъ путяхъ жизни его не утѣшаютъ, онъ остается оскорбленнымъ тѣмъ, что ему сказали о величійи и вѣчности дѣлъ церковныхъ, а между тѣмъ онъ видитъ только службы и требоисправленія, а великаго и вѣчнаго нѣтъ. А отъ забвенія этого великаго и вѣчнаго происходитъ вездѣ и во всемъ великое разложеніе и умираніе. Что же это такое за великое и вѣчное, всеоживляющее начало? гдѣ найдти его?

Оно было будто-бы, въ древности, въ которой вообще — цѣленіе отъ всѣхъ бѣдъ и неправдъ жизни.

„Какъ ни скудны, читаемъ въ Ц. В., наши историческіе памятники, но они дозволяютъ сдѣлать тотъ выводъ, что древне-русскій приходъ былъ также (сравнительно съ перво-христіанскимъ обществомъ) живою и дѣятельною общиною“. Въ чемъ же указывается секретъ этой жизненности, которой теперь нѣтъ? Послушаемъ.

„Приходъ строилъ себѣ храмъ (и нынѣ строитъ), избиралъ себѣ пастыря и остальной церковный причтъ (весьма сомнительный плюсъ за древнимъ порядкомъ), надѣлялъ зем-

лею (и теперь въ селахъ надѣляетъ) и заключать договоръ относительно обезпеченія его содержаніемъ (теперь пастырство не наемное, въ торгахъ и юридическихъ договорахъ не нуждается) и чрезъ своего выборнаго—церковнаго старосту велъ церковное хозяйство (теперь участвуетъ въ этомъ и причтъ), при чемъ, приобрѣтая недвижимыя имущества и управляя ими, община дѣйствовала какъ юридическое лицо (теперь, правда, въ этомъ недостатокъ, но мірскаго характера). Церковная казна имѣла тогда болѣе широкое назначеніе: ею поддерживались и содержались не только храмъ и дома для причтовъ, но и школа съ учителемъ (и теперь бываетъ), и „келліи для нищихъ“, число которыхъ (келлій или нищихъ?) въ иныхъ погостахъ доходило до десяти (и теперь въ иныхъ приходахъ бываютъ хорошія богадѣльни): иногда церковная казна играла роль какъ бы крестьянскаго банка и раздавалась неимущимъ безмездно и подъ ссуду (теперь крестьянскій банкъ, на болѣе развитыхъ началахъ, существуетъ отдѣльно отъ Церкви)“. Далѣе въ число идеальныхъ преимуществъ древняго прихода вписаны „братчинъ судъ“ съ самымъ широкимъ вмѣшательствомъ во внутреннюю семейную жизнь прихожанъ, братскіе „пиры“ при храмахъ и „рѣшеніе при храмахъ не касающихся церкви мірскихъ дѣлъ.

Вотъ и вся полнота возвышенныхъ и вѣчныхъ интересовъ и дѣлъ церковной жизни, бывшей ключемъ, безъ чего теперь приходъ—пустое слово. Что же намъ дѣлать теперь? „Жизнь приходу, говорятъ намъ, можетъ сообщить *только* возвратъ къ порядкамъ *глубокой старины*“ (курсивъ нашъ). Утвержденіе прихода въ правахъ юридическаго лица, способнаго приобрѣтать имущество, отмѣна стѣснительныхъ условій приобрѣтенія недвижимости, право для всѣхъ прихожанъ участвовать вмѣстѣ съ духовенствомъ въ завѣдываніи церковными суммами и имуществомъ подъ наблюденіемъ мѣстнаго начальства, право избирать приходомъ священника, братскій судъ, съ компетенціей разрѣшать споры объ оплатѣ требъ, и вообще—автономія прихода,—вотъ тѣ средства, которыя единственно будто бы способны оживить Церковь.

Изъ перечисленія мѣръ, направленныхъ къ воскресенію прихода и восстановленію подлинной церковной жизни, видно, что центр тяжести всего дѣла здѣсь полагается, кромѣ

выбора духовенства, главнѣйшимъ образомъ въ веденіи всѣмъ приходомъ церковнаго *хозяйства* и въ юридическихъ правахъ, направленныхъ къ широкому и свободному развитію все того же *хозяйства*. Остановимся на разсмотрѣніи этого главнаго нерва приходской жизни.

Современное веденіе церковнаго хозяйства въ проектѣ осуждается. Прежде велось хозяйство приходомъ чрезъ церковнаго старосту, и было хорошо. Но „нынѣшній способъ веденія церковнаго хозяйства чрезъ посредство причта и церковнаго старосту ведетъ къ сознательной утайкѣ церковныхъ суммъ, съ рискомъ ихъ хищенія“. Участвуетъ причтъ—и приходъ веденію хозяйства „не довѣряетъ“. Странно. Утайки, дѣйствительно, бываютъ, но хищеній не бываетъ, такъ какъ утайки бываютъ „въ отчетахъ“, номинально, а въ дѣйствительности чрезъ это сберегаются суммы церкви отъ „епархіальныхъ“ и иныхъ „нуждъ“... Выборы старосты теперь будто бы „сосредоточены въ рукахъ причта, который посылаетъ пригласительныя повѣстки на выборы, кому вздумается“. Это невѣроятно. Причтъ только „при семь присутствуетъ“. Если гдѣ бываетъ иначе, такъ это—злоупотребленіе, а „въ правахъ“ прихода изъяна нѣтъ (см. Инстр. церк. стар.)... Тепершнія приходскія попечительства не могутъ будто бы оживить прихода единственно потому, что въ нихъ „община остается устраненною отъ церковнаго хозяйства“. Едва-ли. Попечительства „влачатъ жалкое существованіе“ не потому, что церковныя суммы имъ „не подлежатъ“, а потому что въ нихъ есть „только организація“ и нѣтъ духа, нѣтъ необходимаго „сознанія“, братскихъ чувствъ, любви, общественнаго вообще интереса; было-бы все это — попечительства и безъ „церковнаго хозяйства“ развили бы „бьющія ключемъ“ свои собственныя „попечительскія“ хозяйства.

Посмотримъ, какъ должно организоваться церковное хозяйство и приходское управленіе въ частностяхъ.

„Успѣшная дѣятельность церковно-общественныхъ учрежденій обусловливается участіемъ всѣхъ прихожанъ. Главнымъ органомъ приходскаго управленія должно явиться церковно-приходское собраніе, которому предоставляется право денежнаго обложенія прихожанъ. Церковно-приходскія собранія происходятъ обязательно дважды въ годъ, а затѣмъ могутъ быть созваны во всякое время по желанію большин-

ства; право участвовать на нихъ принадлежитъ всякому прихожанину (мужчинѣ или женщинѣ) безпорочнаго поведения, совершеннолѣтнему и участвующему въ увеличеніи приходскаго имущества путемъ сбора или даренія. Дѣла рѣшаются большинствомъ открыто поданныхъ голосовъ. Церковно-приходское собраніе предлагаетъ кандидата на должность церковнаго старосты и выбираетъ другихъ должностныхъ лицъ церковно-приходскаго управленія, утверждаетъ роспись дохода и расхода на будущій годъ, опредѣляетъ правила завѣдыванія и расходованія суммъ и имущества прихода, а также устанавливаетъ порядокъ веденія отчетности, производитъ дѣла, касающіяся сооруженія и содержанія храма, домовъ причта и приходскихъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій. Въ случаѣ протестовъ отдѣльныхъ членовъ собранія и по дѣламъ, касающимся займовъ и обложенія прихожанъ сборомъ на нѣсколько лѣтъ, а также продажи церковнаго имущества, постановленія собранія восходятъ на усмотрѣніе епархіальной власти. Органомъ церковно-приходскаго собранія является церковно-приходскій совѣтъ, состоящій изъ священника, церковнаго старосты и избранныхъ собраніемъ мірянъ, число которыхъ должно превышать число постоянныхъ членовъ. На обязанности совѣта лежитъ храненіе и завѣдываніе церковно-приходскимъ имуществомъ, веденіе отчетности, приѣмъ пожертвованій, раскладка и взиманіе сборовъ, разрѣшенныхъ общимъ собраніемъ, приведеніе въ исполненіе постановленій послѣдняго, доклады ему по разнымъ церковно-приходскимъ вопросамъ и предварительныя заключенія по поступающимъ дѣламъ“.

И только тогда, когда церковная община превратится въ маленькій департаментъ финансовъ на вѣчевыхъ началахъ, только тогда и забьетъ ключемъ церковно-общественная жизнь...

Грустныя мысли вызываетъ этотъ, приписывающій себѣ такую важность, проектъ. Вездѣ и всюду въ общественно-государственной жизни мы встрѣчаемъ росписи дохода и расхода, отчеты и ревизіи, налоги и сборы, собранія, доклады, протесты и усмотрѣнія, и не видимъ однако, чтобы это несло глубоко-благотворное оздоровленіе въ жизнь интеллигенціи и народа и разныхъ благотворительныхъ об-

ществъ. Почему же можно думать, что счетъ церковныхъ денегъ, провѣрки ихъ и отчеты въ храмъ—при всеприходныхъ волненіяхъ по этимъ поводамъ—дадутъ жизнь Церкви? Какія неширокія понятія о жизни и о Церкви! И эти мечты—послѣ сѣтованій о томъ, что въ Церкви не осталось „высокаго и вѣчнаго“!..

Не смотря на то, что во всѣхъ вѣдомствахъ сидитъ искуснѣйшій контроль надъ контролемъ, строжайшая ревизія надъ ревизіей, общественныя суммы, однако, не застрахованы отъ хищеній... Если приходъ не довѣряетъ своему выборному старостѣ, лучшему въ приходѣ человѣку, если онъ не вѣритъ въ безусловную честность своего духовнаго отца, руководителя приходской совѣсти, то неужели отрадно будетъ, что *весь* приходъ будетъ хозяйничать? Первое—это все равно едва-ли предохранитъ „суммы“ отъ „хищеній“; второе—прогрессъ и идеаль не только церковной, но и общественно-культурной жизни—не въ совершенствѣ контроля, а въ совершенствѣ *честности*; если ея не будетъ я вокругъ престола Божія, то зачѣмъ они и деньги? Пусть они расхищаются, если расхищена совѣсть! Это—паденіе Церкви, если бы она мечтала сложной организаціей хозяйства спасти приходскія деньги; это—отказъ ея отъ своихъ специальныхъ средствъ воспитанія совѣсти.

Извѣстно также, что ни о чемъ такъ не спорятъ люди, какъ о деньгахъ, смѣтахъ, доходахъ; нѣтъ другого предмета, который бы въ такой мѣрѣ волновалъ людей и возбуждалъ всѣ ихъ худшіе инстинкты. Не говоря уже о мірянахъ, на епархіальныхъ сѣздахъ духовенства не хватаетъ интереса къ вопросамъ нравственно-церковнымъ, и, лишь поставляется вопросъ о церковно-свѣчномъ заводѣ, лица всѣхъ разгораются, и начинается буря. Что происходитъ на мірскихъ сходкахъ, и говорить нечего. И вотъ этакій-то оживляющій элементъ и хотятъ ввести въ жизнь прихода, въ цѣляхъ оздоровленія и сближенія интеллигенціи, народа и духовенства! При церковно-хозяйственной борьбѣ, „въ храмъ“ или „при храмъ“, различныхъ приходскихъ партій, отъ церковной-то, собственно, жизни и памяти не останется. И все это, изъ-за весьма небольшихъ „церковныхъ суммъ“. Намъ говорятъ: капиталы тогда сильно возрастутъ. Пусть они будутъ грандіозны, отвѣтимъ мы,—и

тогда они не стоятъ всеприходскихъ волненій во святомъ Божіемъ храмѣ!

Чьи бы деньги ни были: церковныя ли, благотворительныя ли, или общественныя, все равно—счетъ ихъ, запись, провѣрка, охрана, отчеты, контроль, ревизіи, смѣты и бюджеты—все это относится къ низшей, пошлой сторонѣ жизни. И неужели Церковь, основанная на такихъ высочайшихъ и страшныхъ тайнахъ вѣры, можетъ полагать для себя, хотя бы и второстепенный, идеаль и жизнь въ развитіи и торжествѣ въ ея нѣдрахъ этой пошлой, принижавшей стороны жизни?

Церковное хозяйство вообще микроскопично: двумъ, много тремъ выборнымъ лицамъ завѣдывать имъ вполне достаточно, да и то скучно; эти выборные могли бы утѣшаться по крайней мѣрѣ тѣмъ, что они несутъ тяготу дѣла ради свободы общины, чтобы всѣмъ не возиться съ этимъ принижавшимъ дѣломъ, не кидать безъ пользы дорогого для жизни времени. Но авторамъ проекта это кажется лишеніемъ прихода *жизни*. Они именно требуютъ того, чтобы дѣломъ, какого мало для и одного человѣка, завѣдывали *все* члены общины; и для этого, изъ-за нѣсколькихъ сотенъ или тысячъ рублей, выдумывается масса органовъ управленія, собраній, засѣданій, докладовъ и ревизій, чтобы было мѣсто для работы возможно-большему числу людей... Можетъ быть, въ жизни необходимо и неизбежно бываетъ отвлекать людей и для этого, губить время и на это; но такъ и нужно говорить, что въ жизни необходимо бываетъ сдѣлать уступку и пошлости, а не возводить это въ принципъ „оживленія“ и притомъ такого мірового духоноснѣйшаго учрежденія, какъ Церковь.

Лучшіе пастыри и теперь сильно жалуются на сложность церковнаго хозяйства. Ихъ возвышенную пастырскую душу невыносимо томятъ эти выборы, „сыпки“, ежемѣсячныя „высыпки“, кружки, ящики, печати, провѣрки, представители (съ ихъ ежегоднымъ избраніемъ), вѣдомости, приходо-расходныя книги... Но если состоится это опасное дѣло—возстановленіе *древняго* прихода—и изъ-за каждой мелочи нужно будетъ убѣждать, ораторствовать, подсчитывать голоса, бороться на всякихъ выборахъ и при томъ вырабатывать системы отчетовъ, засѣдать въ приходскомъ совѣтѣ,

вести хозяйство прихода по сложнымъ правиламъ веденія его съ подробной отчетностью, дѣлать „предварительныя заключенія“ и доклады“ по „поступающимъ дѣламъ“ и т. п., то на пастырей церкви, если, конечно, они не будутъ вѣрны своему призванію и подчинятся новому порядку вещей, обрушится такая тяжесть, которая придавитъ въ нихъ все, что есть въ нихъ лучшаго, пастырскаго, духовнаго и святого....

Если развивать дѣйствительно основной и жизненный нервъ Церкви, то всѣ наилучшія цѣли, поставляемыя приходамъ, легко и сами собой осуществились бы, но безъ шумихи и земско-департаментской обстановки, а средствами подлинно-церковными, внутренними, всеобъемлющими. Въ подлинно-церковномъ христіанскомъ приходѣ, гдѣ просвѣщены совѣсти людей Духомъ Божиимъ, царитъ полное и горячее единство душъ и сердецъ; тамъ нѣтъ бѣдныхъ и одинокихъ; тамъ нѣтъ отчетности и воровства, пошлая сторона жизни сведена до минимума; тамъ нѣтъ „членовъ“, организацій и выборовъ, но всѣ работаютъ во всю полноту своихъ свободныхъ силъ, подчиненныхъ только стремленіямъ христіанской совѣсти, усиліямъ личной воли и указаніямъ развитаго христіанскаго разумѣнія; въ этихъ свободныхъ самостоятельныхъ личныхъ порывахъ и усиліяхъ, при единствѣ ихъ основного корня, заключаются неизсякаемая, другъ друга вдохновляющія и живящія, нравственныя силы общества, обезпечивающія безпредѣльный расцвѣтъ въ немъ подлиннаго чистаго добра... Вотъ идеаль церковной и подлинно-культурной жизни; и можетъ ли быть въ какомъ либо согласіи съ нимъ мечта о сложномъ церковномъ хозяйствѣ, поглощающемъ массу времени и душевныхъ силъ общины?... Гдѣ бы то ни было, но ужъ въ церкви-то культивировать идеалы денежнаго хозяйства до крайности странно. Съ возвыщеннѣйшими вѣчными стремленіями Церкви, съ нѣжными до благоговѣнія отношеніями другъ къ другу членовъ ея (къ чему направляются практическіе идеалы Церкви) стоятъ въ прямой противоположности нравы хозяйственныхъ сходовъ. И развитію этого денежнаго хозяйственнаго начала приписывать громадное значеніе въ дѣлѣ оживленія Церкви и ея высшихъ интересовъ,—это по меньшей мѣрѣ значить совсѣмъ не знать Церкви...

Какъ пережитокъ темной старины, денежное начало и теперь часто угнетаетъ наше религиозное чувство. На самомъ дѣлѣ: горько и удивительно, что въ теченіе своего почти тысячелѣтняго развитія древняя и новая Русская церковь не смогла въ своемъ большинствѣ сознать этого ужаснаго убійственнаго диссонанса алтаря Христова и старостинскаго ящика. Въ большинствѣ храмовъ сборы производяся въ самые страшные и святыя моменты Литургіи, не смотря на недавніе указы вышей церковной власти. Съ кружками и тарелками ходятъ въ послѣдованіе страстей Христовыхъ, въ В. Четвергъ, кружка ставится на плащаницѣ или около нея въ В. Пятницу; событіе, давшее сребренники Іудѣ, употребленные потомъ на поле для погребенія странниковъ, въ своемъ воспоминаніи также утилизируется для пополненія „ящика“ и благотворительныхъ „кружекъ“. Священнику и теперь и въ городахъ трудно бываетъ бороться съ этимъ; а что будетъ, если изъ-за этого придется ему вступить въ препирательство съ приходомъ, кокупающимъ „недвижимости?.. Это иногда темное и большое сооруженіе, которое стоитъ открыто въ храмѣ, которое постоянно за Литургіей осаждается вѣрующими, у котораго вѣчный звонъ монеты и говоръ, давнымъ-бы давно нужно было безъ остатка выкинуть изъ дома молитвы, гдѣ стоитъ алтарь страшной Чаши Христовой. Никакими жертвами и благотвореніями не можетъ быть извиняемо пограние Дома Божія. Деньги и благотворенія всегда съ нами; а часы благоговѣйной молитвы и общенія со Христомъ пусть будутъ неприкосновенны для денежныхъ расчетовъ. Если это денежное, всюду мертвящее, начало и теперь оскорбляетъ насъ въ храмахъ, гдѣ слова „Примите ядите“... и „Пійте отъ нея вси“... часто акомпанируются звономъ серебра и мѣди, то чего можно ожидать, когда это начало будетъ поставлено въ центрѣ церковно-приходской жизни и объявлено однимъ изъ главныхъ ея принциповъ? Ящикъ и хозяйство прихода займутъ тогда въ церкви и въ жизни приходской общины первое мѣсто.

Повторяемъ, мы не хотимъ отдѣляться отъ земли въ своихъ соображеніяхъ: можетъ быть, нѣкоторая доля житейской пошлости и прозы въ концѣ концовъ нигдѣ неизбѣжна; но *зачѣмъ же ее представлять чѣмъ-то высокимъ и*

при томъ въ самомъ высочайшемъ изъ учреждений, какія только знаетъ человечество?

VI. Теперь перейдемъ къ „порядкамъ глубокой старины“.

Есть два разныхъ взгляда на старину. Одинъ взглядъ— историческій, трезвый, не признающій ничего, кромѣ очевидной правды. И по этому взгляду, опирающемуся на строгіе факты, выходитъ, что въ глубокой русской старинѣ было столько тьмы, столько чудовищныхъ извращеній вѣры и жизни христіанской, столько лжи и жестокости, что въ массѣ мрака и дикости почти безнадежно тонуть для историка добрыя природныя черты народнаго духа и великіе единичные подвиги. По этому взгляду, искать жизни въ тѣхъ формахъ ея, которыя отжили и погребены прошедшей исторіей, по меньшей мѣрѣ странно и свидѣтельствуемъ только о безысходной пустотѣ и бездарности настоящаго поколѣнія.—По другому, мечтательному, поэтическому взгляду,— все, что носитъ печать старины, плесѣни, забвенія, мха, то только и содержитъ въ себѣ настоящую жизнь. Представители этого взгляда приходятъ въ восторгъ при одномъ намекѣ на отжившую „глубокую“ старину и безъ разбора готовы все взять изъ нея, въ ней только полагая возможность оживленія и смысла для настоящаго. Съ нѣкоторымъ вліяніемъ этого послѣдняго взгляда намъ и приходится, кажется, считаться въ настоящемъ вопросѣ о приходѣ.

Нѣтъ никакихъ основаній идеализировать нашу старину. Въ ней, дѣйствительно, едва брезжитъ свѣтъ сквозь глубочайшую тьму.

Чѣмъ, напр., могла быть древняя сходка по хозяйственнымъ дѣламъ прихода въ храмѣ? Мы и теперь не далеко ушли отъ старины: она царить чуть-ли не въ большинствѣ угловъ и мѣстъ земли Русской. И теперь много зла, раздоровъ и шума въ обществахъ изъ-за „мірскаго“ хозяйства, много озлобленныхъ нападеній на причты изъ-за ничтожныхъ копѣекъ, самое грубое вмѣшательство въ дѣлахъ храма, безчинство изъ-за микроскопическихъ пустяковъ. Если и теперь страшно отдать храмъ и приходскія дѣла въ руки сходки, если страшно пустить ее въ храмъ, то можно вообразить, что изъ этого получалось нѣсколько столѣтій тому назадъ... Можетъ быть по бѣдности, при неимѣніи другого помѣщенія, и можно было какъ нибудь древнимъ темнымъ

людямъ мириться съ попраиёмъ дома Божія, но какъ это поставляютъ идеаломъ теперь?

Не великимъ дѣломъ могъ быть и „братчинъ судъ“ въ старину. Укорять и судить другого въ его грѣхъ—дѣло тяжелое: горько и обидно оно для подсудимаго, вредно и для самозваннаго судьи. Встрѣчаются теперь люди стариннаго закала, воспѣвающіе „древнее благочестіе“, высоко думающіе о своей праведности и „судящіе“ всѣхъ и все; и что это получается за жестокой, холодный, беспощадный, фари-сейскій судъ? Онъ замораживаетъ судящаго и вызываетъ судимаго на протестъ, полный ненависти и презрѣнія. Легко представить, какимъ могъ быть судъ людей древне-русскихъ, людей домостроя, холодныхъ, желѣзныхъ, узкихъ обрядовѣ-ровъ, не признававшихъ жизни ни ума, ни сердца. „Мір-ской“ судъ въ мечтѣ и идеѣ, можетъ быть, и прекрасенъ, но вообще въ дѣйствительности это дѣло, кажется, ужас-ное. Мечтаютъ воскресить древніе порядки для этого суда, „право самаго широкаго вмѣшательства даже въ ихъ (при-хожанъ) внутреннюю семейную жизнь“... Это мечтаютъ о публичномъ промываніи чужихъ ранъ душевныхъ, это въ грѣхъ или муку душевную будутъ на площади или на цер-ковной сходкѣ залѣзать чужія грязныя и грубыя руки, съ униженіемъ и укореніемъ обвиняемаго брата, часто безъ всякаго пониманія дѣла, а только по низкимъ сплетнямъ, противъ которыхъ иногда многія невинныя души не умѣ-ютъ защищаться. „Братчинъ“ судъ не можетъ обойтись безъ нравственныхъ пытокъ; вспомнимъ фарисеевъ и жен-щину „въ прелюбодѣянніи взятую“. Судъ—дѣло страшное, и не толпѣ онъ можетъ быть ввѣренъ. Можетъ судить или законно уполномоченный безпристрастный судъ, чуждый личныхъ симпатій и антипатій, или судъ пастырскій,—судъ любви, состраданія, милосердія, совмѣстнаго несенія иску-пленія и тяжести грѣха, съ Богоуполномоченнымъ разрѣ-шеніемъ его. Правда, возможно воспитать истинно церков-ный судъ, о которомъ заповѣдалъ Христосъ: „скажи Цер-кви“; но такой судъ можетъ быть воспитанъ только подлин-нымъ внутреннимъ развитіемъ „церковнаго духа“, а не прямо судейскими правами и практикой; да при томъ и такому суду можетъ подлежать не публичное промываніе грязи внутреннихъ семейныхъ раздоровъ и пороковъ, а очевид-

ныя обиды одного брата другимъ и всего лучше при взаимномъ согласіи ихъ подчиниться суду Церкви. Но съ большею основательностью и справедливостью полномочіе Христова можетъ быть отнесено только къ „собору“ церковному, выражающему именно голосъ Церкви, имѣющему власть отсѣчь нераскаяннаго грѣшника отъ Церкви, „какъ язычника и мытаря“.

Въ древности были приходскіе братскіе пиры въ особыхъ пристройкахъ къ храму. Въ этихъ пирахъ выражалось будто бы „постоянное внутреннее общеніе между членами“ прихода... Ну, не горько ли разбираться въ такихъ мечтаніяхъ? Русскій пиръ никогда не былъ мыслимъ безъ „питья“. Наши „общины“ и теперь не стѣсняются пропивать „кровныя мірскія“ средства. Какъ остатокъ древняго приходскаго пира, и теперь кое-гдѣ по престольнымъ праздникамъ устроится общеприходское повальное пьянство. Встарину, это, вѣроятно, процвѣтало обильнѣе, на „приходскія“ деньги, съ „приходскими“ бочками и чашами. И зачѣмъ непременно это нужно „при храмахъ“?. Въ первохристіанской общинѣ были вечера любви, соединенныя съ трапезой *Господней*, и что же: эти вечера были скоро уничтожены по причинѣ злоупотребленій и безпорядковъ, на которые жаловался уже Ап. Павелъ. Такъ что же послѣ этого нужно предполагать относительно нашихъ древне-русскихъ пировъ при храмахъ?... Въ темной древности пьяные люди кощунственно попирали „дворы Господни“, а сыны 20-го вѣка мечтаютъ объ этомъ, какъ объ оживленіи ихъ скудной жизни!..

Тоже самое и съ „выборомъ пастырей“. И этотъ порядокъ отжилъ естественно, т. е. потому, что омертвѣлъ. И теперь выборы вообще полны шума и раздора, съ торжествомъ болѣе хитрой и обольстительной партіи. И теперь бываютъ случаи, что для открытія въ селѣ второго штата священнослужителей претенденты подпиваютъ крестьянъ. Можно вообразить, что было въ древности. Проектъ мечтаетъ о спасительныхъ „договорахъ“. Но вѣдь это же—сдѣлка, какъ всякая другая, торговая? Выбирали пастырей или подешевле, или поугостительнѣе, или погромогласнѣе. Закономъ нанятый наемникъ, конечно, долженъ былъ угождать хозяевамъ; и если бы это ввести въ норму, то что бы это у насъ получилось за продажное, приживальщическое пастырство!

Кого будутъ выбирать въ пастыри? Если народъ будетъ выбирать изъ своей среды, то въ большинствѣ случаевъ „слѣпецъ поведетъ слѣпца“. Буйная паства выберетъ себѣ пастыря, который не могъ бы препятствовать ея праву. Если выбирать изъ достойныхъ кандидатовъ, то, вѣдь, паства ихъ не знаетъ. Необходимъ конкурсъ; если краткій, то возможны ошибки мимолетнаго впечатлѣнія; если долгій искусъ, то каковымъ должно быть въ продолженіе его нравственное состояніе испытуемыхъ, жаждущихъ получить мѣсто? Не окажутся ли побѣдителями на этихъ конкурсахъ фарисеи?... Конечно, иногда гласъ народа—гласъ Божій, но какъ постоянный порядокъ это не мыслимо: въ средѣ народа въ большинствѣ случаевъ нѣтъ того, кто ему нуженъ, и народъ его не знаетъ.

Исторія показываетъ, что и избранники паствы подвергались отъ нея гоненіямъ, и назначенные епископомъ пастыри были до конца любимы своей паствой. Дѣло не въ формѣ избранія, а въ нравственномъ достоинствѣ избираемаго. Ошибается отдѣльная личность, ошибается и масса. Теперь существуетъ ходъ выбора (или „отбора“) болѣе развитой и продолжительный, и если бы онъ былъ всегда на высотѣ своей идеи, то лучшаго и не хотѣлось бы. Если человѣка съ малолѣтства воспитываютъ въ духѣ пастырства, въ Духѣ Божіемъ, если онъ многіе годы юности научается и испытывается со стороны лучшихъ носителей церковнаго сознанія, если окончательное призваніе его Духомъ Святымъ (Дѣян. XIII, 2; XX, 28) объявляетъ носитель полноты Благодати—Епископъ (съ „соборомъ“ при немъ, что, дѣйствительно, нужно воскресить), то что худого въ этомъ порядкѣ, выросшемъ благодатно и исторически и способномъ къ усовершенствованію? Духъ Божій можетъ изъявить Свою волю о служителѣ Своемъ и чрезъ голосъ народа, и чрезъ приговоръ школы, и чрезъ совѣсть Епископа, и чрезъ рѣшеніе собора. Все дѣло въ томъ, чтобы избираемый дѣйствительно былъ носителемъ Духа и чтобы дѣйствительно Духъ Божій осѣнялъ и руководилъ и народъ, и школу, и Епископа, и соборъ. Въ этомъ—суть, а не въ приходскомъ контрактѣ. Всѣ внѣшніе порядки имѣютъ и выгоды и невыгоды; поэтому они сливаются, усложняются. И при существующихъ порядкахъ Епископъ имѣетъ полную возможность и испытать и воспитать въ своемъ

клирѣ кандидата прихода, и выслушать голосъ народа... Все это возможно: улучшенія въ этомъ дѣлѣ и возстановленіе нѣкоторыхъ подлинно-каноническихъ требованій должны быть. Но гораздо важнѣе подумать о томъ, *что* понижаетъ общую одухотворенность? *что* заглушаетъ голосъ Духа Божія въ жизни Церкви?..

Возлагать надежды на приходскіе выборы можно бы было только въ томъ случаѣ, если бы можно было поручиться, 1) что выборъ всегда безошибоченъ, избиратели идеальны, избранный—наилучшій, 2) что выборъ улучшаетъ пастыря, 3) что выборное начало сохранить его отъ всѣхъ паденій и искушеній и 4) навсегда сдѣлаетъ его дорогимъ для его избирателей. Это—мечтанія, и только пытаюсь ими, можно вѣрить, что выборные пастыри будутъ лучше теперешнихъ уже по одному тому, что они будутъ „выборными“. Часто избравшіе дѣлаются первыми и самыми непримиримыми гонителями избраннаго. Выборный порядокъ едва ли можетъ нравственно возвысить пастыря; напротивъ, при такой власти овецъ надъ нимъ, при ихъ обладаніи имъ, можно ли говорить, что онъ „пастырь овецъ“, а не батракъ ихъ, закрѣпощенный и придавленный ими? Вспомните наше безмѣстное „крестцовое“ духовенство, какъ результатъ древняго порядка; вспомните борьбу мірянъ съ Епископами изъ-за недостойныхъ священства избранниковъ... Почему-нибудь былъ же канонически отмѣненъ этотъ порядокъ, какъ вредный для церковной жизни? Почему-нибудь учителя не назначаются учениками?

Назначеніе пастыря приходомъ проектируется въ цѣляхъ послушанія его паствѣ. Но что это за принципъ? Онъ могъ возникнуть только на Руси въ тѣ моменты, когда народъ стоялъ за неприкосновенность окаменѣлой старины, а лучшіе пастыри звали его къ оживленію религіознаго чувства... А что если пастырь-пророкъ? Съ своимъ огненнымъ словомъ, съ непреклонной церковной совѣстью, съ призывомъ служить Богу духомъ и истиною, онъ будетъ гонимъ изъ всѣхъ „исконно-русскихъ“, „истово-православныхъ“ приходовъ, гдѣ будетъ царить „нерушимая“ рутина и будутъ въ почетѣ ея приживальщики, ханжи-фарисеи, лстящіе грубымъ вкусомъ обрядовѣрія и усыпляющей гордости „правовѣрныхъ“. „Не вы Меня избрали, а Я васъ избралъ... Вы не

отъ міра, но Я избралъ васъ отъ міра, потому ненавиждить васъ міръ (Іон. XV, 16, 19)“.

Въ № 50-мъ Церковнаго Вѣстника за 1903 годъ, въ замѣткѣ „объ избраніи священника приходомъ“ слишкомъ хорошо выяснено, сколько горькаго заблужденія и невѣдѣнія заключаютъ въ себѣ мечты о приходскихъ выборахъ пастыря. Тамъ выяснено, что не всякая близость священника къ приходу желательна, что присканіе приходомъ очень рѣдкаго въ русской древности грамотѣя допускалось по безысходной нуждѣ, что въ древней церкви и по канонамъ церковнымъ избраніе понималось и совершалось иначе, соборомъ, что наши избиратели были бы не компетентны и не способны правильно избрать себѣ пастыря, и были бы кромѣ того ограничены въ выборѣ, что выборы и договоры, гдѣ они существуютъ, ведутъ къ приниженности духовенства, къ отношеніямъ, какія существуютъ между хозяевами и наемникомъ. Прочитавъ эту прекрасную статью, съ объективнымъ освѣщеніемъ дѣла, читатель имѣлъ бы полное основаніе безъ колебаній отвѣтить на вопросъ: не стыдно ли „намъ, при современныхъ широкихъ запросахъ къ пастырскому служенію, мечтать о возвратѣ къ... печальной старинѣ?“ И есть ли какой „смыслъ вводить въ норму, въ необходимый законъ то, что допускалось когда-то по горькой нуждѣ?“

Вообще о всѣхъ древнихъ отжившихъ порядкахъ нужно сказать, что они становились нестерпимыми, невыносимыми, потому и отмирали. И странно мечтать о воскрешеніи того, что погребено исторіей. Были, стало быть, въ этихъ порядкахъ — безпорядкахъ глубокой старины несомнѣнные элементы смерти, которые и привели ихъ къ омертвѣнію и забвенію...

Живыя дѣла создаются въ силу дѣйствительной нужды, по дѣйствительному, живому чувству. Только тогда, когда нѣтъ живого чувства, происходящаго отъ живого сознанія дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей, справляются съ стариной, и строятъ и поддѣлываютъ жизнь по извѣстнымъ въ исторіи формамъ. Поддѣлывается жизнь уже осужденная, отжившая. Такая ей и цѣна, такой ей и конецъ. Мертворожденное — „попечительство“, мертвымъ родится и „приходъ“, отрытый въ архивахъ, кладбищахъ прошедшей исторіи...

Правда, жизнь, возрождаясь, копируетъ прежнія формы. Но эта копіровка бессознательная, непреднамѣренная, въ силу живой насущной необходимости. Потомъ, безусловно-полная копія формъ не наблюдается и въ тѣлесно-органической природѣ; въ жизни же человѣческаго сознанія и вовсе нѣтъ такой копіровки; возродившаяся форма часто содержитъ въ себѣ элементы, полагающіе непроходимую бездну между старымъ и новымъ. Отъ отсутствія этихъ элементовъ умерло старое, и отъ присутствія ихъ оживило новое. Нужно возродиться и приходу, но только въ другомъ духѣ, съ другой силой, по требованію живой новой нужды, естественно и неизбежно, безъ справокъ съ архивами, которые къ тому же „скудны историческими памятниками“...

У насъ вообще происходитъ большое и вредное недоразумѣніе съ этой пресловутой старицей. Ей часто слагаютъ хвалебныя пѣсни вмѣстѣ съ „неподвижностью и неизмѣнностью“. Но забываютъ, что жизнь вѣчно юна, вѣчно свѣжа и блестяща; конецъ ея обновленіямъ, плѣсень и мохъ—предвѣстники смерти. Покажите истину въ ея вѣчно юномъ нарядѣ живыхъ и прекрасныхъ дѣлъ, и всѣ ей поклонятся какъ жизни своей; нарядите ее въ плѣсень и мохъ,—всѣ шарахнутся отъ нея, какъ отъ смерти. Это нужно помнить любителямъ старины и не радоваться, что „церковь наша замшилась“ и будто бы потому сильна (Прав.-Рус. Слово 1903 г., № 4, стр. 297-я). Свѣдущіе люди знаютъ, что и несокрушимыя скалы покрываются мохомъ; но кто не знаетъ, что подъ нимъ скрывается, тѣ мечтаютъ о паденіи старой рухляди... Зачѣмъ закрывать старьемъ истину Божию, вѣчно юную и живую? Зачѣмъ приводить въ панику людей вдохновеннаго разума, ищущихъ вѣчной красоты и жизненной правды, ничѣмъ не прикрытыхъ? Зачѣмъ мохомъ старины отпугивать людей отъ скалы вѣчной жизни, отъ Церкви?

VII. Обобщая наши замѣчанія, мы должны сказать, что разсматриваемый проектъ, можетъ быть, со временемъ и разовьется, но теперь онъ представляетъ пока нѣчто непродуманное, мечтательное. Въ немъ сказывается что-то несерьезное, какое-то незнакомство съ подлинной тяготой дѣйствительной жизни и ея задачъ.

Цѣль проекта высокая—оживить духовную жизнь Церкви; но въ концѣ концовъ всѣ рѣчи сводятся къ чисто земскимъ

интересамъ извѣстныхъ *группъ*. Въ рѣчахъ о вдохновеніи Церкви забыты именно тѣ корни, изъ которыхъ вырастаетъ вдохновенная жизнь. Для великой цѣли—оживленія душъ человѣческихъ—указываются средства очень и очень недостаточныя. Хотятъ оживить духъ солидарности, любви и милосердія. Этотъ духъ, когда онъ дѣйствительно оживаетъ, неудержимо проявляется въ соответствующихъ дѣлахъ и создаетъ безчисленныя, но всегда оригинальныя, разнообразныя и живыя формы своей жизни. Въ проектъ начинается не съ этого духа, а съ организаци дѣлъ, которыя считаются внѣшнимъ выраженіемъ его (хотя могутъ возбуждаться и совсѣмъ инымъ духомъ). Но „организаци“ затѣмъ и создается, чтобы дѣло двигалось, не смотря и на холодъ и на равнодушіе участниковъ, т. е. не смотря на отсутствіе „духа“. Поэтому всякій скажетъ, что, если начинать не съ духа, а съ внѣшней „организаци“, то это будетъ именно убійствомъ духа, какъ всякое насильственное участіе въ формаци живой среды, какъ насильственное развитіе цвѣтка.

Это въ основѣ... Непродуманность видимъ и въ частностяхъ проекта, и прежде всего въ вопросѣ именно о важнѣйшей организаци: о „приходѣ“.

Преслѣдуя свои цѣли, новое общество хочетъ „содѣйствовать приходжанамъ къ (въ) опредѣленію (и) точныхъ границъ столичныхъ и городскихъ приходовъ согласно желанію приходжанъ, въ силу синодальнаго указа отъ 6 авг. 1890 г. (Ц. В. 1903. 82)“. Какъ возможно опредѣлить границы приходовъ согласно желанію приходжанъ? „Желаніе“ приходжанъ не опредѣляется „границами“; а если „желаніемъ“ опредѣлять границы, то они не могутъ быть „точными“. Разчертить городъ на приходы можно, но это фактически не разграничить приходжанъ: насильно нельзя заставить ходить въ ту, а не въ другую церковь. А если записывать по желанію, то можетъ случиться, что пастырю придется отыскивать овецъ по всѣмъ закоулкамъ города, а иному совсѣмъ остаться безъ пасомыхъ...

Естественная нужда разбиваетъ народъ на отдѣльныя поселки; ограничившись случайными границами, создается приходъ, которому волей-неволей приходится спланиваться объединяться. Этихъ естественныхъ границъ въ городѣ нѣтъ; тамъ разчерчиваютъ приходы консисторія и благочин-

ный. Но слишкомъ-ли много заинтересована Церковь въ охраненіи этого распisanія? Если Церковь добивается жизни а не мертваго порядка, то зачѣмъ она будетъ требовать, чтобы люди сходились къ пастырю-усыпителю душъ и не смѣли пойти туда, гдѣ они чуютъ источникъ воды живой? Если приходъ дѣйствительно долженъ быть „ячейкой церковной жизни“, живымъ органомъ, то онъ долженъ опредѣляться составляющими его силами любви и духа, а не разрисованнымъ въ консисторіи планомъ. Если приходъ есть церковь въ миниатюрѣ, то онъ все равно долженъ носить на себѣ печать каеолчности, универсальности, а не совпадать непременно съ извѣстными земскими или полицейскими частями. Онъ живетъ духомъ, имъ и опредѣляется, а гдѣ духъ, тамъ и свобода...

Приписать прихожанъ къ опредѣленному храму нужно: это можетъ способствовать образованію и чисто-церковнаго прихода, но очевидное всего эта внѣшняя мѣра можетъ достигъ только внѣшнихъ результатовъ: раздѣленіе приходоѡ нужно для цѣлей и церковнаго управленія, и общественно-юридическаго порядка. Такъ что хотя слово „приходъ“ можетъ иногда означать и малую церковную общину, но главное и постоянное его значеніе, однако, не внутренняго духовнаго, а—внѣшняго характера, слишкомъ близко существа церковной жизни не затрагивающаго.

Церковь, какъ живое тѣло, не терпѣть раздѣляющихъ его прочныхъ перегородокъ. Разъ у меня есть мой приходъ, то я долженъ быть или равнодушнымъ къ сосѣднему приходу, или разрушить границы своего. Если я не помогу своему иноприходному сосѣду, я убью живую любовь, помогу — отдамъ средства на-сторону, измѣню своему приходу.... Въ нашемъ приходѣ безжизненно, а въ сосѣднемъ кипитъ жизнь; но я не могу тамъ ею пользоваться; „я не здѣшняго прихода (Крыловъ)“; это уже не церковные порядки. Развитие подлинно-церковной жизни враждебно всякимъ перегородкамъ...

Конечно, развитие самодѣтельности требуетъ раздѣльности, обособленности. Конечно, и Церковь не можетъ не жить отдѣльными малыми общинами. Это необходимо и неизбѣжно: приходы должны правильно взойти въ свои границы. Но при этомъ необходимо помнить: что все это болѣе нужно

для *внѣшняго* удобства церковной жизни; что эти „границы“ должны быть эластичны; что приходское дѣло не должно закрывать сущности—„единаго царства“; что отдѣленность умертвить, если внѣшній порядокъ будетъ сильно подчеркнутъ, а внутренняго сѣдиняющаго и оживляющаго духа не хватить; что этого не должно достигать слишкомъ настойчиво, насильно, и что, наконецъ, на это нельзя возлагать слишкомъ большихъ и духовныхъ надеждъ.—

Непрактичнымъ мечтаніемъ должно быть названо намѣреніе проекта привлечь прихожанъ „и въ будни“ работать въ храмъ и при храмѣ, собираться въ кружки и сходки. Если разумѣть ежедневныя работы и труды прихожанъ, то, какъ выше говорилось, храмъ не можетъ быть обращенъ въ мастерскую. Если же имѣть въ виду собранія разныхъ благочестивыхъ кружковъ, то наивно думать, чтобы люди бросали трудъ за хлѣбъ насущный для празднаго говоренія и обдумыванія добрыхъ дѣлъ въ то именно время, когда о нихъ (въ будни) не говорить нужно, а именно дѣлать на своемъ ближайшемъ поприщѣ.

Люди живутъ кучками, обществами. Эти общины создаются нуждой жизни. И въ этихъ естественныхъ (необходимыхъ) общинахъ человѣкъ долженъ ежедневно нести тяготу и трудъ жизни при свѣтѣ Евангельскихъ заповѣдей. И вотъ проектируется эти естественные союзы разрывать и созидать искусственные, „приходскіе“. Что за игра? Почему нужно создавать для добродѣтели особыя кружки, когда и такъ много разныхъ кружковъ и учреждений, постояннаго, неотвратимаго поприща для добрыхъ дѣлъ? Почему человѣкъ, служащій въ корпораціи, имѣя постоянное вліяніе на жизнь ея, долженъ отрываться отъ нея, чтобы работать въ приходскихъ кружкахъ, да еще „и въ будни“? Человѣкъ, положимъ, живетъ и трудится въ семьѣ, или въ школѣ, или въ какомъ либо частномъ или общественномъ учрежденіи, гдѣ ежеминутно предъ нимъ цѣль его любви и добрыхъ усилій воли, еще не достигнутая; что будетъ хорошаго, если онъ будетъ въ храмѣ дебатировать о добродѣтели или устроить кружки, покинувъ безъ помощи свою трудящуюся семью или подчиненныхъ? Что добраго въ томъ, если человѣкъ работаетъ въ благотворительномъ кружкѣ, а у себя дома деспотъ, въ своемъ магазинѣ-обманщикъ, жадный до чужого достоянія

притѣснитель служащихъ? А если онъ не таковъ и плодотворно работаетъ на своемъ поприщѣ, то что ему прибавить кружочъ и зачѣмъ, отрываясь отъ опредѣленнаго дѣла, онъ будетъ нащупывать почву въ коллективной неопредѣленной работѣ?—Если человѣкъ въ храмѣ, хотя бы только и въ праздникъ, получить живое возбужденіе къ христіанскому добру, а въ теченіе недѣли будетъ творить это добро въ своей семьѣ и среди своихъ ежедневныхъ сотрудниковъ и товарищей, съединяя ихъ въ истинно - христіанскую корпорацію, то развѣ не будетъ это желанной для жизни общиной, „ячейкой“ — живой, неизбѣжной, а не сочиненной? Сколько такихъ общинъ правительственныхъ, промышленныхъ, учебныхъ и др.,—и всюду необходимо нести начала христіанскаго труда и любви, работая неотрывно, не покладая рукъ. Должны получиться мощные союзы жизни, а не вялые кружки „оживленія“. И разъ почти всѣ люди силою необходимости разбиты въ такіе союзы, то развѣ можно серьезно навязывать имъ длинный рядъ искусственныхъ кружковъ и союзовъ? Это нужно, можетъ быть, для немногихъ свободныхъ отъ методическаго труда лицъ, но это не должно быть нормой и идеаломъ общей жизни ¹⁾.

Дѣла у всѣхъ по-горло, а нѣтъ силы дѣятельной, духа любви Христовой. И для развитія его есть единая вселенская община—Церковь, зажигающая духъ человѣка Духомъ Божіимъ, огнемъ любви Христовой. Живой органъ этой об-

¹⁾ Нѣкоторымъ (напр. г. Ровинскому) можетъ показаться, что мы сочувствуемъ тому, чтобы уставъ общества ревнителей возстановленія древняго прихода не получилъ утвержденія. Но на самомъ дѣлѣ мы этому не сочувствуемъ. По нашему мнѣнію, въ существующемъ видѣ проектъ не представляетъ сколько-нибудь важной силы ни для добра, ни для зла. Но приложеніе къ жизни, несомнѣнно, усовершило бы его: встрѣчая сочувствіе своему основному стремленію—къ оживленію, ревнители встрѣчали бы холодъ и ощущали бы безсиліе въ своихъ практическихъ начинаніяхъ. Противъ нихъ необходимо выдвинулись бы подлинно-церковные взгляды, и они въ концѣ концовъ съ своей „ревностью“, очень возможно, оказались бы на службѣ болѣе живымъ и мощнымъ идеаламъ, чѣмъ древній приходъ. Всякое искреннее и живое начинаніе, если не содержитъ въ себѣ признаковъ фанатизма и насилія, желателъно и полезно для успѣховъ жизни, если не прямо и положительно, то косвенно и отрицательно, если не въ первоначальномъ видѣ, то въ болѣе развитомъ и приспособленномъ къ жизни. Неарѣльный проектъ можетъ быть вредоноснымъ только тогда, когда онъ приобретаетъ силу закона.

щины—храмъ. Здѣсь мы „всѣ — едино“, одно во Христвѣ, и это нужно намъ чувствовать, чтобы не быть рабами жадной, обособленной, себялюбивой суеты плотского существованія. И не уклоненіемъ отъ „догматическихъ разсужденій“, не точными границами приходоу, не культурой свое-приходскаго „хозяйства“ мы можемъ достигнуть большаго напряженія этой вселенской силы... Возрожденіе духа, совѣсти, перерожденіе сердца вѣроу—вотъ сущность и цѣль церковной жизни. Изъ этого корня вырастутъ и соотвѣтствующія вѣтви и листья—вишніе органы...

На жизнь этого-то корня и должно быть обращено всецѣлое вниманіе.

VIII.

„Вы получили Духа... чрезъ наставленіе въ вѣрѣ (Гал. III, 2)“.

Потребность въ оживленіи Церкви—потребность существенная, давно назрѣвшая и наболѣвшая.

Человѣку нужно жить по человѣчески, нравственно. Это прежде всего значить, что ему нужно, чтобы у него не было тоски, чтобы жизнь казалась ему не пустой, не напрасной, не безцѣльной тяжестью. Ему нужна радость жизни, опредѣляемая полнымъ и яснымъ взглядомъ на вселенную. Ему нужно безъ колебаній знать, что онъ долженъ въ каждую минуту дѣлать. Нужно, чтобы онъ вѣрилъ въ свое дѣло, уважалъ его какъ безусловно-важное, необходимое, плодотворное. Нужно, чтобы онъ работалъ съ вдохновеніемъ любви и восторга—для вѣчности, для удовлетворенія высшихъ силъ разума и совѣсти, такъ чтобы трудъ его былъ для него не истомленіемъ, а радостнымъ ростомъ его жизненныхъ силъ. Ему нужно, наконецъ, сознавать и чувствовать, что онъ не одинокъ, не выродокъ, а что онъ—братъ людей; т. е. ему нужно ощущать глубокую и существенную солидарность съ человѣчествомъ, нужно имѣть самое широкое и плодотворное участіе въ жизни людей; ему нужно утолить эту природную тоску любви, слиться со всѣмъ духовнымъ міромъ въ жизни, въ вѣчности, въ познаніи, въ истинномъ поклоненіи Богу.

Истомленный на распутяхъ міра, не находя тамъ живой струи, человѣкъ ищетъ жизни въ церкви, гдѣ естественнѣе всего искать ея. Что онъ долженъ подумать, если за-

мѣтитъ, что и здѣсь онъ не оживаетъ, а замираетъ? Можетъ быть и есть жизнь въ Церкви, но она его не захватываетъ. А Церкви' должна обладать именно такой силой жизни, которая способна поднять и захватить съ собою падшаго на распутьяхъ міра человѣка. И вотъ являются обвиненія Церкви въ безжизненности, и „безжизненные“ прописываютъ ей рецепты „оживленія“, чуждые „духа жива“.

Въ Церкви есть источникъ вѣчной жизни—небесной и земной, міровой и премірной, коей все живетъ и дышетъ. Это—жизнь Божія, жизнь Христова, жизнь вѣчной Любви, открытой человѣку, излившейся въ сердце его, соединяющей на вѣки всѣхъ во едино въ Богъ и во Христъ. Это и есть то, чего ищетъ человѣкъ, что единственно ему нужно, чтобы жить. И для созданія этой вѣчной духовной жизни недостаточны были ни союзы человѣческіе разныхъ родовъ, ни школы философовъ, ни страшные подвиги, какими мучили себя лучшие изъ людей. Для этого вдохновенія потребовалось явленіе Сына Божія во плоти, для этого нужны были крестъ и воскресеніе Его. А для всегдашняго поддержанія въ душахъ вѣрующихъ духа этого дѣла Христова оказалась необходимой Чаша Господня, какъ насущное питаніе вѣчной жизни въ человѣкѣ и какъ сила его въ несеніи за Христомъ своего креста жизни. Отсюда духъ Церкви—духъ неодолимой силы, духъ мученичества, духъ всецѣлаго самопожертвованія и любви. Выше этой—нѣтъ жизни!

И вдругъ отовсюду: „нѣтъ духа жизни въ Церкви“. Крикъ нелѣпый; но здѣсь что-то трагическое: безпричинно такого крика не можетъ быть. Приходится сдѣлать выводъ, что духъ Церкви хотя и живъ, но онъ подъ спудомъ. Это такъ и есть. Духъ Церкви „блюдутъ“ такъ крѣпко и въ такихъ прочныхъ узахъ и „замшившихся“ сосудахъ, что какъ будто блюстители боятся, какъ бы онъ не исчезъ, если онъ разобьетъ узы и сосуды и все вокругъ освѣтитъ. А „внѣшніе“, не видя и не ощущая его, а созерцая лишь замшившіеся сосуды и задыхающихся блюстителей, съ ужасомъ стремятся въ сторону...

Необходимо явленіе духа и силы ¹⁾ въ жизни Церкви. Въ

¹⁾ Въ чемъ частіе состоитъ оно, это мы намѣрены сдѣлать предметомъ особаго разсужденія.

этомъ вся суть дѣла, корень всеобщаго подлиннаго оживленія. Не позаботившись о жизненности и цѣлости этого корня, странно бы было ожидать обильнаго цвѣта и полныхъ плодовъ отъ дерева церковной жизни.

Мы стоимъ предъ роковой задачей. Надъ нашей землей русской пролетѣло почти тысячелѣтіе церковной жизни. А между тѣмъ каковы результаты нашего *1000-лѣтняго* церковнаго *развитія*? „Люди духа“ рѣдки даже въ „духовной“ средѣ; болѣе того: профессиональная религіозность выработала типы почти что противорелигіозные. Народъ доселѣ не понимаетъ Богослуженія и Писаній, не слышитъ достаточной проповѣди. Массы народа бѣгутъ въ штунду, массы интеллигенціи религіозно дичаютъ; всюду разливъ то разврата и лжи, то насилій и звѣрства. Страшно подумать, что дѣлается изъ народа, всегда бывало приверженнаго беззавѣтно къ Церкви... Положеніе, полное зловѣщаго ужаса. И не оживленіе только „прихода“ необходимо намъ, а *нужны глубокія и серьезныя перемѣны, способныя вызвать перерожденіе существенныхъ сторонъ современной жизни и народнаго характера.*

Нашей цѣлью на первомъ планѣ нужно сознательно поставить Царство Божіе и правду его, нужно освободить изъ подъ спуда живой духъ церкви, разбивъ то, что связываетъ и угашаетъ его.

А что связываетъ и угашаетъ его, это должно быть предметомъ свободнаго обсужденія Церкви. Церковь не мыслима безъ своего, подсказаннаго только совѣстью и правдой, слова. Стѣснить ее въ этомъ—преступно.

Но незадушенный голосъ общецерковнаго сознанія не будетъ вполнѣ животворнымъ, если не будетъ *органа*, въ которомъ бы онъ окончательно и авторитетно формулировался и чрезъ который имѣлъ бы силу проходить въ жизнь и дѣло, а не оставаться только на устахъ или на бумагѣ, т. е. если не будетъ *собора*.

Корень церковной жизни безусловно и вѣчно живъ и святъ. Дѣло *въ нашемъ* отношеніи къ нему, *въ нашей* связи съ нимъ... Нѣтъ-ли у насъ порядковъ, устраняющихъ отъ общецерковнаго вліянія людей духа? Нѣтъ-ли у насъ условій, убивающихъ въ самомъ источникѣ вдохновеніе и пророка?..

А между тѣмъ теперь особенно необходимо намъ именно вдохновенное пророческое и апостольское слово. Говорятъ о „связи съ интеллигенціей“, игнорируютъ „догматическія разсужденія“, мечтаютъ объ „общемъ добромъ дѣлѣ“. Но совершенно упускаютъ изъ вида, что никакія наши добрыя дѣла не привлекутъ къ намъ интеллигенціи, которая кромѣ благочестія требуетъ разума, а объ насъ иногда думаетъ, что мы и сами не вѣримъ тому, что проповѣдуемъ. Нужны—въ нѣкоторомъ смыслѣ—новыя откровенія, новое, полное огня и разума слово вѣры—единой, вѣчно юной, всегда себѣ равной, Христовой... А для развитія этого слова и въ школѣ духовной и въ литературѣ и въ жизни современной—мало благопріятныхъ условій.

„Отъ слышанія вѣры вы получили Духа“, говоритъ Апостоль. Единомысліе, единомушіе, горячій объединяющій восторгъ предъ вѣчною, предъ Богомъ и правдою Его,— вотъ что сблизитъ насъ всѣхъ и сольетъ наши усилія въ несокрушимую дѣятельную силу добра. Все совершится, и въ десять разъ больше совершится того, о чемъ говорятъ добродѣтельные приходскіе мечтатели, но совершится въ новомъ духѣ, съ явленіемъ и откровеніемъ новыхъ формъ жизни, полныхъ любви, разума и силы... Мѣха, можетъ быть, будутъ и подобны, но они будутъ новыми—для новаго молодого вина.

Священникъ Дмитрій Силинъ.

